

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хедер сидит в машине прямо за мною. Я вижу ее, сидя за рулем. Иной раз она смотрит в окно, другой раз напевает или тихонько разговаривает сама с собой, и выражение ее лица все время меняется. Хотела бы я знать, что делается в ее голове. Воображения ей всегда было не занимать. В последнее время она стала спокойнее и серьезнее, но тут нет ничего удивительного.

Она никогда не спрашивает меня, куда мы едем.

Иногда перед моими глазами мелькает собственное отражение в зеркале заднего вида — всего лишь отблеск обесцвеченных пергидролем волос или оправы солнцезащитных очков, и я дивлюсь, на кого я вообще смотрю. Я чувствую припадок страха, приступ паники, что вызывает покалывание в ладонях и зуд в кончиках пальцев, и вынуждена бороться с собой, чтобы не вдавить акселератор в пол и не попытаться спастись бегством.

Обесцвеченные пергидролем волосы. О чем я думаю?

Вообще-то мне следует быть безликой. А у меня короткая стрижка, белые волосы, на губах багрово-красная помада, и выгляжу я как персонаж из научно-фантастического фильма или шпионского триллера. Я даже одета в черный плащ свободного кроя и ботинки на толстом каблуке. Моя теория — это психология навыворот: наверняка все ждут,

что я должна сливаться с фоном, а не привлекать внимание. Может быть, от меня ждут, что я изменю внешность, но не таким образом.

Рори однажды подарил мне шляпу — большую коричневую фетровую шляпу, которая выглядела немного по-деревенски. Я надевала ее, отправляясь за покупками, поскольку обнаружила, что эта шляпа меня маскирует. Знакомые на улице проходили мимо. Они видели только шляпу, и врожденное стремление не быть пойманными на разглядывании прохожих мешало им бросить взгляд на мое лицо.

Именно об этом я думала, когда покупала пергидроль. Вызывающая внешность, как я надеялась, поможет избежать пристальных взглядов, этих сдвинутых бровей, когда человек понимает, что ты выглядишь знакомой. Они будут смотреть на блондинистые волосы, и это отвлечет внимание от того, что делает меня мною, от того, что я не могу изменить.

Я планировала замаскировать и Хедер. Я купила ей рыжеватую-красную краску для волос и собиралась с помощью грима изобразить на ее носу и щеках веснушки. Позднее выяснилось, что сделать это я не в силах. Я хотела изменить ее прическу: распущенные светлые волосы должны исчезнуть. Я подумала, что хорошо бы придать ей облик девчонки-сорванца. Может быть, даже одеть ее как мальчика. Однако я не смогла. Я взяла ножницы, но не смогла обрезать ее волосы. Что ж, сейчас она выглядит как всегда: большие голубые глаза, густые прямые ресницы, ямочка на округленном подбородке, которую она унаследовала от отца. И светлые волосы, спадающие на плечи.

— Нам еще долго ехать? — спрашивает Хедер с заднего сиденья. Она ко всему относится спокойно. Ко всем кардинальным переменам в ее юной жизни. Ко всему, что произошло между Рори и мною. К тому, что она покинула родной дом. Ко всем необычным дням, которые мы

провели вместе, пока я не подыскала нам новое место для жизни. Наше тайное убежище.

Я весело отвечаю:

— Теперь недолго, милая. Может быть, с час или около того. Может, чуть дольше.

Хедер снова смотрит в окно. Где она научилась терпению? Она всегда была очень самодостаточной, способной уходить в себя и находить там все, что ей нужно.

— Хочешь послушать сказку? — спрашиваю я. — Я могу поставить тебе компакт-диск.

— Про Винни-Пуха? — живо интересуется она. Мы уже слушали эту запись, но я не против, если ей хочется послушать снова. Я могу отключить голос диктора и размышлять. Можно проиграть весь диск, и я не услышу ни слова.

— Да, — говорю я и нажимаю на кнопку, включая проигрыватель. Играет музыка, и Хедер улыбается. Я смотрю на дорогу, на то, как миля за милей наматывается на колеса, и надеюсь, что место, куда мы едем, окажется достаточно далеко.

Я в прокатном автомобиле. Я не использую собственный, потому что знаю, что любое авто на магистрали регистрируется видеокамерой и существует автоматическая система распознавания номеров, а это значит, что можно легко отследить любого, кто пользуется одной из главных дорог. Я отказалась от спутниковой навигации из страха, что меня могут выследить, поэтому путешествие занимает уйму времени, ведь я выбираю второстепенные сельские дороги, проходящие через маленькие города и деревеньки. Я прокладываю необычный обходной маршрут, чтобы сбить с толку любого возможного преследователя. Время от времени я вынуждена останавливаться на придорожной площадке и продумывать следующий этап пути. Я не в состоянии удерживать в памяти весь маршрут. Ведь недавно случилось и кое-что еще: мне отказала оперативная память, я быстро и полностью забываю многие вещи. По мере

приближения к пункту назначения после долгого дня за рулем дорога становится труднее, и я вынуждена чаще останавливаться. Хедер задремала на заднем сиденье, свесив голову набок. Я рада. Путешествие было утомительным, остановки на станциях техобслуживания ограничивались заправкой бензином и краткими визитами в туалет, и эти перерывы делали его еще более тягостным. Я проговаривала про себя названия дорог, порядок поворотов налево и направо и выездов с кольцевых развязок. Мы в той части страны, которую я знаю совсем плохо, и чувствую я себя так, словно мы за границей.

Именно так они и будут думать. Там они и станут искать.

Я оставила максимально возможное количество следов, которые подсказывали, что мы покидаем Британию. Я рассылала электронные письма с просьбами об информации в отели Франции, Италии и Испании. Я покупала билеты на самолеты, поезда и паромы, порождая следы, которые вели в самых разных направлениях, и надеялась, что все они вызовут достаточно замешательства, чтобы я смогла выиграть какое-то время. Впрочем, скорее всего, это никого не обманет. Свидетельств о том, что мы куда-то уехали, не будет. Наш автомобиль не въедет на паром через Ла-Манш, наш багаж не будут грузить на борт самолета, а мы не займем места в салоне. Видеокамеры наблюдения не запишут, как беловолосая женщина в солнцезащитных очках, держащая за руку маленькую девочку, проходит через терминал или таможеню. Наши паспорта, просканированные и проверенные, были бы внесены в какую-то базу данных, показывая, что мы пересекли границу. Разве не так это происходит? Разве они не следят за каждым из нас?

Проблема в том, что на самом деле я не знаю. Однако у меня каким-то образом сложилось впечатление, что в наше время спрятаться мы не можем. Скорость передачи информации, окружающие нас сети, снимающие нас видеокамеры, спутники, отслеживающие наши перемещения,

электронные отпечатки наших следов — все это означает, что мы не можем долго оставаться незамеченными. А когда в деле замешан ребенок, тем более нет сомнений, что все эти стеклянные электронные глаза будут поворачиваться вслед за нами, виртуальные ищeyки будут идти по нашему следу, внохиваясь в наш запах и ожидая, что мы где-нибудь да объявимся.

Поэтому мне нужна была сообщница.

— Ты должна мне помочь, — торопливо и требовательно сказала я. Раньше я никогда не разговаривала с Каз таким тоном, и она глянула на меня с испугом. Должно быть, выражение моего лица сообщило ей, что все изменилось. Я годами заботилась о ней, пока она переживала то, что случилось с Филиппом. Я всегда была рядом, готовая выслушать, посочувствовать, сосредоточиться на ее проблемах. Однако этому пришел конец. Теперь она сделает то, что хочу я.

— Но... как? Что же я могу сделать? — Она казалась сбитой с толку. Удивительно, как люди навязывают вам свою помощь, предлагая сделать все что угодно, — до тех пор, пока вы не скажете: «Что ж, хорошо. Ты можешь мне помочь». Тогда они сразу идут на попятную. Однако я не собиралась дать Каз отвертеться.

— Мне нужны деньги. Я не могу пользоваться банкоматами. А еще я хочу пользоваться твоим адресом, поскольку он не связан со мною.

— Пользоваться моим адресом?

— Делать вид, что я тут живу. Не беспокойся, ты не будешь получать никакой почты, потому что я оформлю переадресовку. Это просто для их систем. Обещаю, для тебя не будет никакой разницы.

Каз сморгнула, вдруг став беспомощной перед лицом моей решимости.

— Тебе не следует этого делать, Кейт, — сказала она слабым голосом. — Это неправильно, заверяю тебя. Ты об этом пожалеешь.